

а заодно и неповторимой атмосферой душевной жизни интеллигенции мятежной поры рубежа 20-х годов.

Сама монография, ставшая отправным пунктом для переписки в начале 80-х годов, не вызвала особого восторга у тогдашних властей, и тираж книги как-то расточился, почти не дойдя даже до Москвы. Тогда еще было смелостью писать о Булгакове того периода, когда судьба так или иначе связала его с белым движением. Некоторым исключением были, прежде всего, «Дни Турбиных», в силу сложной игры обстоятельств устоявшие в театральнo-литературном разгроме 30-х — 50-х годов.

Книга Девлета Азаматовича, оцененная редкими знатоками, оставалась в тени, и никто не знал о высшей награде, о подлинно лавровом венке, которым ее удостоила Т. Н. Булгакова, первейший свидетель и участник мыслей, творений и деятельности Булгакова бурных годов, включающих гражданскую войну.

В заключение несколько слов о корреспонденте Татьяны Николаевны. На долю Д. А. Гиреева выпало нелегкое трудовое детство и отрочество. Он тяжело воевал, во время отступления вплавь преодолел Керченский пролив, и не как Байрон Дарданеллы, а под огнем; выжил в окружении и в плену, пробился к своим, но получил, хотя, к счастью, не в максимальной дозе принятое тогда вознаграждение героям.

В 1946 г. Гиреев преподавал в школе язык и литературу, затем работал заместителем директора по науке в Пятигорском музее Лермонтова, писал о Лермонтове, защитил кандидатскую диссертацию о «Демоне». Любовь к Лермонтову владела Д. А. Гиреевым с отроческих лет и не потому только, что он был связан с Кавказом, но и потому, что он приходился свойственником «второй ветви» рода Лермонтовых. Мать Девлета Азаматовича — Елена Георгиевна Семерникова в 1923 г. вышла замуж за Михаила Владимировича Лермонтова (павшего на поле боя в Великую Отечественную войну), родила сестру Д. А., Киру Михайловну Лермонтову, продолжающую славный род (см.: Лермонтовская энциклопедия/Под ред. В. А. Мануйлова. М., 1981. С. 464—465 и 657).

Во Владикавказе Гиреев в Северо-Осетинском университете продолжал читать лекции по русской литературе и теории литературы, начатые в Пятигорске. Курсы его были смелы и оригинальны, и Татьяна Николаевна Булгакова-Кисельгоф была далеко не единственным человеком, оценившим талант и мастерство Д. А. Гиреева.

Об остальном расскажет сама переписка.

Письма Т. Н. Булгаковой написаны от руки на обеих сторонах листа. Письма Д. А. Гиреева воспроизведены по сохранившимся вторым экземплярам машинописи.

Татьяна Гиреева
(Владикавказ).

октябрь 1993 г.

28.11.80 г. Туапсе

Уважаемый тов. Гиреев!

Извините, я не знаю вашего отчества.

Пишет вам бывшая жена М. А. Булгакова (Татьяна Николаевна, в девичестве Лаппа, сейчас я Кисельгоф).

Я с большим интересом прочитала вашу книгу о моем супруге Михаиле Булгакове. Вспомнила юность, годы совместной жизни с Михаилом Афанасьевичем, все пережитое. Приведенные вами эпизоды вызывают в памяти аналогичные. Мне очень интересно знать, какими материалами Вы пользовались во время работы над своей книгой. Мне кажется, что Вам небезынтересно будет хоть заочно познакомиться с одним из персонажей Вашей документальной повести.